

Н.М.Карамзин

<Эмилия Галотти>

Трагедия в пяти действиях, сочиненная г. Лессингом; перевод с немецкого

Воспроизводится по изданию: Н.М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964.

Оригинал здесь - <http://www.rvb.ru>

Сия трагедия есть одна из тех, которых почтенная московская публика удостоивает особенного своего благоволения. Уже несколько лет играет она на здешнем театре, и всегда при рукоплесканиях зрителей. – Первый перевод ее напечатан в Петербурге, а второй, по которому она представляется, здесь, в Москве.

Не много найдется драм, которые составляли бы такое гармоническое целое, как сия трагедия, – в которых бы все приключения так хорошо связаны и все характеры так искусно изображены были, как в "Эмили Галотти". Главное действие возмутительно, но не менее того естественно. Римская история представляет нам пример такого ужасного дела. Одоардо был в таких же обстоятельствах, как и несчастный римлянин; имел такой же великий дух, гордую чувствительность и высокое понятие о чести. Рассмотрим только поближе его положение, чувства и мысли, которые занимали душу его перед свершением убийства.

Умертвили жениха его дочери, столько любезного ему и ей, – умертвили для того, что принцу угодно было избрать невесту в предмет сладострастных своих желаний; обманом привели дочь его к принцу и не хотели отдать отцу под предлогом, будто бы надлежало ее допросить в суде, не знает ли она убийцы жениха своего. Сей вымысел, достойный ада и камергера Маринелли, – вымысел, который был еще злобнее вымысла римского децемвира, – должен был привести в бешенство пламенного Одоардо. В первом движении праведного гнева своего хотел было он заколоть и сладострастного принца и злобного помощника его; но мысль: "Мне ли убивать, как бандиты убивают?" – остановила его руку. Надлежало на что-нибудь решиться, и на что-нибудь великое, достойное такого мужа, каковым представлен нам Одоардо. Неужели он так покорится обстоятельствам, так вдруг унижится в чувствах, чтобы отдать Эмилию в наложницы принцу, – тот, кто почитал себя выше всех обстоятельств, кто страх почитал за низость? Одоарду быть отцом обесчещенной женщины? Одоарду снести, чтобы на него указывали пальцем и говорили с злобною усмешкою: "Вот тот, кто никогда не хотел унижаться перед нашим принцем, кто почитал себя выше всех обид со стороны его, но кто с низким поклоном отдал ему дочь свою и принес покорнейшую благодарность за то, что ему или его помощнику угодно было отправить на тот свет жениха нежной Эмили?" Какие же средства оставались ему спасти ее? К законам ли прибегнуть там, где законы говорили устами того, на кого бы ему просить надлежало? Увезти ли ее силою оттуда, где гвардия хранила вход и выход? – Обратим теперь глаза на Одоарда.

Он утихает и задумывается. Наконец, как от сна пробудившись, говорит: "Хорошо! Дайте мне только видиться, один раз видиться с моею дочерью!" Тут, будучи оставлен самому себе, сражается он с ужасною для него мыслию: "Если она сама с ним согласилась? Если она недостойна того, что я для нее сделать хочу?" Итак, он уже решился; но на что, зритель еще не знает. "Что же хочу я для нее сделать? – продолжает Одоардо. – Осмелюсь ли сказать самому себе? Ужасная мысль!" – Здесь зритель готовится уже к чему-нибудь страшному. – "Нет, нет! Не буду ее дожидаться! (Смотря на небо.) Кто безвинно ввергнул ее в эту бездну, пусть тот и спасает ее! На что ему рука моя?" – Вот черта, которая показывает, сколь хорошо знал автор сердце человеческое! Когда человек в крайности решится на что-нибудь ужасное, решение его, пока еще не приступил он к исполнению, бывает всегда, так сказать, неполное. Все еще ищет он кротчайших средств – не находит, но все ищет, как будто бы не веря глазам или рассудку своему. Обратимся к Одоарду. В самую ту минуту, как он воображает себе всю ужасность своего намерения и содрогается, предстает душе его мысль о провидении, которому он верил в жизни своей. "Как! Неужели оно попустит торжествовать пороку? Неужели оно не спасет невинности? Почему знать, какими средствами?" С сею мыслию хочет он идти; но тут является Эмилия. "Поздно!" – восклицает он – и мысль, что провидение посылает к нему дочь его с тем, чтобы он решил судьбу ее, как молния пронизает его душу. Такие скорые перемены в намерениях мятущейся души весьма естественны. Она бывает внимательна к самому ветерку и слушает, не шепчет ли ей какой глас с